

15. Архив Международного научно-просветительского центра «Мемориал» (Москва, РФ). Ф. 158 «ЕХБ». «Материалы Самиздата» (16/1975).
16. Hungary University Open Society Archive (HU OSA) (Budapest, Hungary). Fonds 300: Records of Radio Free Europe / Radio Liberty Research Institute (RFE/RL RI). Subfonds 85: Samizdat Archives. Series 9: Published Samizdat. Archival boxes 75. AS #2334: Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР. 1975. №26.
17. Заявление Киевской общины Союза Церквей ЕХБ от 15 января 1978 г. Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР. 1978. №50.
18. Hungary University Open Society Archive (HU OSA) (Budapest, Hungary). Fonds 300: Records of Radio Free Europe / Radio Liberty Research Institute (RFE/RL RI). Subfonds 85: Samizdat Archives. Series 9: Published Samizdat. Archival boxes 124. AS #4008: Совет родственников узников ЕХБ. «Срочное сообщение» об обысках и арестах баптистов в Днепропетровской области и городах Черновцы и Хотин.
19. Срочное сообщение Совета родственников узников ЕХБ от 31.01.1980 года. Материалы Самиздата. 1980. №25. С. 1-2.

* * *

Лобода Дмитрий Александрович,

ассистент кафедры всемирной истории и методики преподавания истории
Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко
(Полтава, Украина)

**«Неидеальное» правление женщин в эпоху
европейского Возрождения в историческом дискурсе**

Историки, исследующие влиятельных женщин в эпоху Возрождения в последние годы, как правило, были сосредоточены на женщинах из правящих семей или княжеских дворов. Элеонора Арагонская, герцогиня Феррары и ее две дочери Изабеллы, маркизы Мантуи и Беатриче, герцогини Миланские; Бьянка Мария Висконти Сфорца; Лукреция Борджиа; Катерина Сфорца; Батиста да Монтефельтро; Ипполита Мария Сфорца, герцогиня Калабрийская; Барбара Бранденбургская, маркиза Мантуя. Это лишь некоторые из имен, которые сразу приходят на ум. Учёная-историк Натали Дэвис

утверждает: «Два вида ранних современных политических режимов – республика и монархия – дали различные постановления роли женщин во власти. Олигархические республики, такие как Флоренция времени раннего Ренессанса, предоставили наименьшее количество возможностей, в которых женщины могли бы публично пользоваться политической властью. Однако политическое влияние женщин могло быть использовано неформально, например, через их мужей, сыновей и более широкие родственные связи. Напротив, в государствах, организованных как монархии, например, Неаполитанское королевство позднего Возрождения, имела место официально зарезервированная для женщины арена для полупубличных и публичных женских активностей» [8, с. 169-170].

Эта точка зрения объясняет, почему женщины во Флоренции, были по закону лишены возможности осуществлять формальную политическую власть. Но природа власти женщин или проблема феномена женщин-правителей в эпоху Ренессанса долгое время остаются малоизученными, независимо от формы правления. Большинство женщин-правителей должны были приложить значительные усилия, чтобы узаконить своё положение в обществе. Как итог, женщины пытались добиться права выносить решения о дальнейшей своей и окружающих судьбе, подчеркивать собственное целомудрие, материнскую природу и заступнические возможности в политике, которые даёт природа женщины [5, с. 71].

Это было необходимо, потому что мужское правление считалось упорядоченным, законным и правоверным. Женское правление же считалось противоположным: беспорядочным, незаконным и опасным. Подчеркивалось, что правящие женщины нарушали и угрожали как естественному, так и социальному порядку. Они воспринимались как угроза, потому что их положение было вне преобладающей социальной структуры и, следовательно, не подлежало социальному контролю. Пока мужские упражнения в политике приносили им честь и престиж, «публичной женщине» нужно было быть готовой получить обвинение влегкомыслии и ветрености [7, с. 46].

Вступление женщины в должность правителя – неформально при республиканском или официально при монархическом строе – всегда происходило из-за отсутствия законного наследника мужского пола. Это могло произойти, потому что предыдущий правитель не имел наследника мужского пола, или законный

наследник был слишком молод управлять, временно отсутствовал или был недееспособен. Иногда женщина могла править вместе с мужем или сыном в неофициальном качестве. Женщине предоставляли возможность управлять, будучи дочерью, сестрой, женой или матерью законного правителя-мужчины. То есть, вероятность обретения властных полномочий женщиной зависела от: отсутствия законного преемника – взрослого мужчины, поддержки и терпимости влиятельных (мужских) сторонников или родственников [7, с. 47].

Бьянка Мария Висконти Сфорца, например, стала регентом сына, молодого герцога Галеаццо Мария Сфорца из Милана в 1466 году послесмерти его отца. На тот момент ему уже было 22 года. Однако к концу 1467 года герцогу удалось изолировать его мать от большинства процессов принятия решений несмотря на то, что еще не достиг своего юридического совершеннолетия для престолонаследия (25 лет). Он заявил в письме к ней в конце декабря 1467 года, что с нового года вся герцогская переписка будет вестись «исключительно от нашего (Галеаццо – автор) имени» [9, с. 71].

Приемлемые модели женской власти, или «правления королевы», как это называет исследовательница Ольга Фраденбург – разворачивались именно в направлении неофициального характера этой власти. Женщины, которые взошли на престол из-за отсутствия подходящего (и предпочтительного) наследника мужского пола – как это произошло в Англии и Франции в более позднем шестнадцатом веке – должны были приспособить приемлемые модели поведения и обосновать свое правление. Королева Франции Екатерина Медичи, например, пока дважды находилась на вершине власти в качестве регента для своих маленьких сыновей, построила собственный образ на основе античной фигуры Артемизии, целомудренной, но могущественной вдовы [2, с. 147].

Напротив, королева Англии Елизавета I, которая стремилась изобразить себя андрогенной и маскулинной, говорила о себе: «Я могу иметь тело слабой и незащищенной женщины, но у меня есть сердце и желудок короля». Окружающие современники описали королеву как такую, которая имеет исключительный статус среди женщин и одновременно среди представителей мужского пола. Уильям Кэмден описал Елизавету как «Деву с мужественной смелостью», и она была посмертно описана как «больше, чем

мужчина, ина самом деле меньше, чем женщина». Этот акцент на исключительном, не женственном, характере Елизаветы гарантировал, что положение других женщин не было изменено. Подрывая общественный порядок путем принятия на себя прав суверена, женщины-правители объединяли гендерные образы для оправдания, сохранения и стабилизации своего правления [11, с. 257, 258].

Властные женщины, которые имели доступ к истеблишменту того времени изображались так же, по словам Сьюзан Диксон, как «властные вдовы или интриги-наложницы». Страх перед могущественными женщинами давно был эндемичным в политической риторике осуществления законной политической власти Ренессанса. Жены королей в раннем средневековье – часто были описаны в отрицательном ключе, и, вероятно, персонифицированы как «злые гении» [1, с. 209, 210].

Мы знаем о двух примерах из истории исследуемого периода. Речь идет о Маргарите Анжуйской (1429-82), жене короля Англии Генриха VI, и Екатерине де Медичи во Франции, их истории иллюстрируют распространенность этого страха. Обе женщины были идентифицированы как злые иностранцы их хулителями. Муж Маргариты считался слабым и неумелым, и ее подвергли резкой критике за участие в политических интригах вместо того, чтобы взять на себя роль благотворительной и скромной королевы – супруги, которая не вмешивалась бы в политические дела. Екатерину охарактеризовали «злой королевой», «опасной иностранкой, злой женщиной», «манипулятором и чудовищной матерью». Активное участие женщин в общественной сфере предполагало, что женщины-правители были изначально злыми [13, с. 20, 21].

В моде, похожей на почти все другие города раннего модерна Европы, политическая и духовная жизнь были переплетены во Флоренции. Синьория, главный правящий орган города, был описан в 1429 году так: «эта почетная, почти божественная магистратура, высшая над лордом-защитником и правителем республики, в то время как оные сравни с апостолами Христа». Флоренция была крайне гендерным государством. Женщины были не только исключены из любой политической номенклатуры, им также запретили входить в правительство – дворец (Палаццо Веккьо). В 1322 статуты дель Пополо специально запретили женщинам входить

в этот публичный дворец и ночевать там». В 1445 году двум женщинам угрожали суровым наказанием, если они когда-либо снова войдут в Палаццо Веккьо после того, как было обнаружено, что они имели интимную связь с Гонфалоньером (главой республики) и еще одним чиновником правительства прямо в этом здании. При этом, не упоминалось, были ли вовлеченные мужчины, со своей стороны, наказаны за их действия. Женщины, а не мужчины, соблазнившие их, должны были быть удалены из «священного» дворца. В глазах современников само присутствие женщин создавало напряжение и сексуальные риски для мужчин внутри, которые должны были оставаться во дворце в течение всего двухмесячного периода их службы и вести аскетический образ жизни [6, с. 144, 145, 146].

Женщины же семьи Медичи, такие как Лукреция Торнабуони (1427-82), жена Пьеро де Медичи и Клариче Орсини (ок. 1450-88), жена Лоренцо Великолепного (1449-92) ранее часто занимались написанием рекомендательных писем для друзей, родственников и клиентов во время периода фактического контроля Медичи во Флоренции в период между 1434 и 1494 годами. Однако положение Альфонсины Орсини де Медичи (1472-1520) было уникальным для истории Флоренции до того, как она стала герцогством в 1532 году. Она была женой старшего сына Лоренцо Великолепного, Пьеро (1471-1503), и матерью будущего главы режима Медичи, Лоренцо Медичи (1492-1519) [10, с. 357, 359].

Эффективное правление Альфонсины Флоренцией летом 1515 года – с момента, когда Лоренцо в Ломбардии сражался с французами – и до смерти ее сына в 1519 году даёт возможность изучить трансформацию государства из республики в принципат, а также проследить изменение объема влияния женщин на власть [4, с. 180, 181].

Альфонсина Орсини родилась в Неаполе в 1472 году и была дочерью Роберто Орсини, графа Гальякаццо и Альбы, его второй жены. Брак старшего сына Медичи Пьеро с Альфонсиной Орсини вначале 1488 года подтвердил и расширил связи Лоренцо Великолепного с Орсини, был частью его стратегии по поддержанию мира с Неаполем и укреплению власти Медичи на более широкой итальянской политической сцене. Шестнадцатилетняя девочка принесла с собой огромное приданое в

12 000 дукатов, что подчеркивало богатство и благородство Орсини [5, с. 76].

Ее мать, вероятно, воспитала юную Альфонсину в духе жизни женщин высокого общества, информация о ее образовании также сохранилась. Уже в 1490 году Альфонсину назвали «великолепной первой леди Тосканы». Эта форма обращения далеко выходила за рамки любого используемого в доме Медичи относительно женщин и была ранним указателем на власть и влияние этой молодой женщины [5, с. 76].

Выборы шурина Альфонсины, кардинала Джованни Медичи (1475-1521) на папский престол под именем Льва X в марте 1513 года включил Альфонсину и других членов семьи Медичи в процесс расширения сферы своей власти и влияния за пределы Флоренции до папского двора в Риме [5, с. 76].

В 1515 году она, как женщина из семьи Медичи, закрепила исключительное личное влияние формальной властью – то есть, впервые женщина получила возможность управлять – это свидетельствовало о уже княжеском характере режима Медичи, даже если он и соответствовал и работал в рамках республики [4, с. 184, 185].

Правление Альфонсины столкнулось с недовольством и сопротивлением тех, кто был против усиления власти дома Медичи. Для республиканцев, правление женщины было особенно раздражительным, и вместе с критикой всей семьи характеризовался как наносящий ущерб общественному благу. Они были частью критики жадности и злоупотреблений Медичи. Флорентийцы, как и другие западные европейцы расценили женское правление как узурпацию естественного порядка, «природного права», считали его незаконным, и, следовательно, источником возможной катастрофы [5, с. 77].

Однако она так и не была официально назначена на любую должность поскольку, будучи женщиной, Альфонсина не могла официально занимать государственные должности. Её зять, Филиппо Строчи, описал ее управление в письме к Лоренцо от августа 1515 года, следующим образом: «Мадонна Альфонсина всегда занята написанием писем в Рим или к Вам, или гражданам; следовательно, дом всегда полон и такое количество посетителей вызывает уважение, поощряется друзьями, заставляет врагов бояться. Она хорошо справляется со своими обязанностями, что

было бы невозможно для другой женщины и легко для нескольких мужчин» [5, с. 78].

На самом деле Филиппо воспринимал Альфонсину как Вираго – женщину, энергичной и по-мужски одухотворенной – термин, который в глазах современника Возрождения подразумевал высокую похвалу женщине. Филиппо подчеркивал ее исключительную, «мужественную» природу и обстоятельства, тем самым узаконив «правление» Альфонсины без радикального изменения статус-кво. Это было единственным способом, которым он мог объяснить современникам Альфонсины очевидную способность человека управлять успешно, несмотря на гендерные различия [5, с. 79].

Описание Филиппо также дает ключ к пониманию природы правления Медичи в это время. Частная резиденция Медичи стала центром правительства, вытесняя правительственный дворец. Это означало, что женское управление государством Альфонсиной как приватной особой, находясь у себя дома, во дворце, начало вытеснять со сферы публичной политики мужчин, создавая ситуацию, которая давала Альфонсине необходимый инструментарий для успеха [5, с. 78].

Это слияние публичной сферы с частной жизнью Медичи не было открытием. Такая практика длилась начиная с 1460-х годов с Пьеро Медичи, когда государственные дела обсуждались дома с другими флорентийцами. Такой стиль государственного регулирования был институционализирован во второй период правления Медичи.

Готовность Альфонсины осуществлять власть и влияние во Флоренции была основана на её способности анализировать и учиться на личном опыте, а также на ее политической проницательности.

Переписка Альфонсины с ее сыном иллюстрирует ее способность оценивать последствия для Лоренцо, Флоренции, режима Медичи и папства. Лоренцо первоначально командовал флорентийскими войсками, чтобы защитить Милан и подконтрольные ему города от французов, в союзе с испанцами. Альфонсина писала Лоренцо, огорчаясь тем, что никто не пытался остановить продвижение французов несколькими месяцами ранее, говоря: «Лоренцо, я краснею от стыда каждый раз, когда об этом думаю». Это были сильные слова, иллюстрирующие здоровое

понимание Альфонсиной политических последствий текущей ситуации. Она знала, что кампания была неумело отработана, и что честь фамилии и будущие Медичи в качестве правителей Флоренции зависят от успешного исхода войны. Она понимала, что неспособность заключить договор с французами будет иметь катастрофические последствия для семьи Медичи, особенно с учетом французского отношения ко многим флорентийцам, в том числе и их противникам. Интерес и забота Альфонсины обеспечили ее непосредственное участие в процессе принятия решений вместе с комитетом по иностранным делам и послами относительно подписания соглашения с французами. Фактически, эта женщина была центральным звеном в процессе управления ходом войны. Ее управление этим кризисом вышло далеко за пределы того, что любая другая женщина во Флоренции могла осуществлять. Она всячески пыталась подтвердить статус Вираго – готовой выполнить любую задачу, пользуясь особым положением матери главы дома, способностью действовать в мужской сфере с полной самоотдачей. Благодаря собственной силе характера и способностям, исходя из общественной нужды, она смогла действовать без радикального изменения существующего гендерного порядка [4, с. 192].

Папа Римский Лев X также признал данную Богом исключительную природу Альфонсины, её способности в собственной записке, выпущенной в начале ноября 1515 года. В ней Папа объяснил: «Мы знаем Ваше благоразумие и способности, которыми Всевышний украсил Вас, несмотря на ваш пол. Господь призывает использовать свою силу духа и тела, что велики, чтобы гарантировать, что он и его Царствие земное будет обеспечено и защищено» – как и Филиппо Строцци ранее, Папа высоко оценил способности Альфонсины, подчеркнув ее «мужественные» качества [5, с. 81].

Если Альфонсина получила свою власть благодаря статусу матери правителя, то после смерти Лоренцо в мае 1519 года ее роль в правительстве значительно уменьшилась. В конце июля того же года ходили слухи, что «планируется отчуждение этой власти от Мадонны (Альфонсины) и передача её кардиналу (Джулио де Медичи)». Этот слух был признанием могущественного положения Альфонсины как правителя, но он также указывал на зависимость от роли матери правителя [5, с. 82].

Исходя из того, что современники не любили эту женщину, обвиняли в скупости, воровстве, в обладании безграничными амбициями, полном игнорировании флорентийского республиканского института и в попытке присвоить княжеский титул сыну, папский историк XVI века Паоло Джовио создал обобщенный образ Альфонсины: «Женщина, действительно (обладающая) мужественной осторожностью, но (была) скупа и всегда сварлива, она со слепыми амбициями очень хотела сделать ее сына великим, чтобы накопить богатство для него, и, прежде всего, приобрести титул для него. Устремления Альфонсины обычно направлены на овладение деньгами и имуществом» [5, с. 82].

В сентябре 1518 года летописец Бартоломео Черретани обвинил в сокращении свадебных торжеств «великую алчность Мадонны (Альфонсины)». Поэтому неудивительно, что Альфонсина, как мы увидим позже, также была посмертно осуждена Бартоломео Маси и Франческо Веттори за свою алчность [4, с. 196].

Почему критика Альфонсины конкретно сосредоточена на ее предполагаемой жадности и амбициозности? Та же критика могла бы в равной степени быть направленной на самого Лоренцо, который постоянно искал деньги у его матери. Но Лоренцо не подвергся критике за свою алчность. Альфонсина была единственным членом семьи Медичи, которого уличили в скупости современники. Важно отметить, что подобный финансовый успех и воля приобретать богатство и тратить его свободно – воспринималось как данность у мужчин-правителей, но у женщин-правителей те же качества осуждались. Женщины-правители подвергались особой критике за своё поведение тогда, когда мужчины-правители за подобное не критиковались.

Полин Стаффорд утверждает о том, что для раннего средневековья характерным было низложение мужских добродетелей в женские пороки. Рачительность и щедрость, месть изащита – это различные сильные стороны личностикороля, но они автоматически превращаются в пристрастность, интриганство и мстительность в случаях с королевами. Некоторые пороки регулярно приписывают королевам, наиболее распространенным из которых является алчность [3, с. 24].

Королев в позднем средневековье также обвиняли во множестве грехов, включая алчность Королевы Франции Изабеллы Баварской (1385-1422). Она была примером королевы, обвиняемой в скупости,

прелюбодеянии, инцесте и измене. Она также была осуждена за бездуховность, политические амбиции и то, что она была «плохой» матерью. Недавние исследования, однако, поставили под серьезный вопрос эти характеристики Изабеллы. Сегодня оказывается, что всё это было частью продолжающейся традиции унижения женщин во власти, которые стремились выйти за пределы приемлемой модели благотворительной, скромной королевы [12].

Реакция на смерть Альфонсины в феврале 1520 года, пожалуй, лучший показатель того, как ее рассматривали современные наблюдатели. Филиппо Строщи предложил в шутку следующую эпитафию: «Альфонсина Орсини, чья смерть никем неоплакиваема, жизнь которой все оплакивали, и чье захоронение больше всего приятно и полезно для человечества». Даже в шутку этот комментарий был зловонным, особенно потому, что Альфонсина долго и усердно обеспечивала его самого. Он также, снова в шутку, указал наобщую печаль от ее смерти: «Здесь (в Риме) она умерла без слез, потому что, короче говоря, безумно умирать не вовремя. Папа тоже не выразил скорби и не хотел нарушать карнавальные гуляния, чтобы оплакать ее воспевание. Опять же слухи относительно фактической степени богатства Альфонсины не утихали. Джованни Кемби писал, что «было сказано, что после себя она оставила хорошую сумму». Венецианский дневник был более конкретным, заявив, что она ушла вместе с 70 000 дукатов» [5, с. 85, 86].

Однако, несмотря на неприязнь флорентийцев к Альфонсине, ее позиция как матери покойного правителя города и её влиятельное положение в доме Медичи требовали соответствующих грандиозных и великолепных похорон.

Но не стоит забывать о том, что личность этой женщины сама по себе была достаточно грандиозной и великолепной. Альфонсина «могла делать так, как ей нравится», говорили о ней позже хронисты. Режимы, которые выступали против семьи Медичи, в правлении Флоренцией боялись образа Альфонсины, который владел авторитетом и властью, достаточной для эффективного управления городом сродни монархии, а не в республике [4, с. 197, 198].

Подобно Изабелле Баварской или Джиневре Бентивольо до нее, Альфонсина была описана как скупая, но, в отличие от своих предшественников, её не смогли обвинить в сексуальном проступке бесчестия. Вместо этого она описывалась как жаждущая

власти, желающая добиться титула для Лоренцо. Деловая хватка Альфонсины и ее материнская преданность была мишенью, потому что критика этих атрибутов отражала в целом негативное отношение флорентийцев к финансовым злоупотреблениям всего дома Медичи, а также их монархическим амбициям [5, с. 89].

Учитывая значительный авторитет и навыки Альфонсины никто, даже её открытые противники не подняли мятежа против её власти, имея при этом обширный инструментарий легитимного и незаконного характера. Внутренние распри в политической жизни Флоренции отошли на второй план перед проблемой женщины, которой была дана власть управлять. Выделение иной, нехарактерной гендерной принадлежности Альфонсины ее немногими сторонниками (Вираго) было единственным методом, доступным для решения противоречий управления государством женщиной.

Власть Альфонсины стала для критиков символом всего негативного, что олицетворяли Медичи. Однако для сторонников режима – пособием, как следует управлять Флоренцией: с таким авторитетом и способностями, которые могут позволить править даже женщине.

Список использованных источников

1. Allen Pauline, Dixon Suzanne, Garlick Barbara. Stereotypes of Women in Power: Historical Perspectives and Revisionist Views (Contributions in Women's Studies). Westport: Praeger, 1992. 244 p.
2. Fradenburg Louise Olga. Women and sovereignty. Edinburgh: University Press, 1992. 334 p.
3. Stafford Pauline. The King's Wife in the Early Middle Ages (Women, Power & Politics S.). Leicester: University Press, 1998. 256 p.
4. Tomas N. The Medici Women: Gender and Power in Renaissance Florence, Farnham: Ashgate, 2003. 229 p.
5. Tomas Natalie. Alfonsina Orsini de'Medici and the 'problem' of a female ruler in early sixteenth-century Florence. Renaissance Studies. V. 14. 2000. P. 70-90.
6. Баренбойм П.Д. Флорентийская утопия: государство как произведение искусства. Москва: ЛУМ, 2012. 286 с.
7. Джоан Келлі. Чи існував Ренесанс для жінок? Гендерний підхід: історія, культура, суспільство. Львів: ВНТЛ-Класика. 2003. С. 46-62.

8. Земон Дэвис Н. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. История женщин в 5 томах. Том 3. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
9. Леси Коллинсон-Морлей. История династии Сфорца. СПб.: Евразия, 2005. 352 с.
10. Стратерн П. Медичи. Крестные отцы Ренессанса. М.: АСТ, Астрель, 2010. 510 с.
11. Сюами А. Елизаветинская Англия. М.: Вече, 2016. 384 с.
12. Французская королева Изабелла Баварская – распутница и монстр или жертва интриг. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/211118/41365/> (дата звернения: 18.03.2020).
13. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 19-65.

* * *

Мацулевич Евгения Васильевна,

студентка 4 курса исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Беларусь);

Николаева Ирина Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского госуниверситета имени П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

**Центральная советская женская периодика
как источник по истории семьи в СССР
сер. 1940 – сер. 1960-х гг.**

Антропологический поворот в науке обусловил повышение внимания исследователей к социальной истории, в частности к истории семьи. Традиционные источники не позволяют исследовать многие аспекты, связанные с семейной сферой жизни общества. Поэтому в настоящее время актуально стремление историков расширить источниковую базу работ по социальной истории. Одним из новых и ценных источников являются материалы печатных СМИ. Для реконструкции семейных отношений в СССР ценную информацию содержат женские периодические издания. Целью нашего исследования стало изучение центральных периодических изданий для женщин «Работница» и «Крестьянка» в истории советской семьи второй половины 1940-х – середине 1960-х гг.

Главной чертой повседневности после войны стало подчинение сферы быта и семьи первоочередной задаче по восстановлению